

ОБ ОДНОМ ИЗ ВАРИАНТОВ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ПРАБОЛГАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПОДОНЦОВЬЯ (по материалам биритуального могильника Красная Горка)

В. С. Аксёнов

Могильник Красная Горка (Балаклеийский район Харьковской обл.) является одним из крупных, полностью изученных биритуальных некрополей памятников салтово-маяцкой культуры в бассейне Северского Донца¹. На могильнике с 1985 по 1992 экспедицией Харьковского госуниверситета под руководством проф. В. К. Михеева было исследовано 310 погребений. Еще два погребения (№ 311, 312) были раскопаны совместной экспедицией Харьковского исторического музея и Музея археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина под руководством автора в 1994 году. Таким образом, на могильнике было исследовано 189 кремационных и 123 ингумационных захоронения*. Погребальный обряд, зафиксированный на могильнике, в общих чертах соответствует погребальному обряду праболгарского населения салтово-маяцкой культуры бассейна Северского Донца. Однако, из общего количества исследованных на могильнике захоронений выделяется ряд погребений, которые заслуживают отдельного внимания.

Это те случаи, когда одни погребения были впущены в заполнение могильных ям других захоронений без разрушения последних. При этом, чаще всего, основное погребение было ингумационным, а впущенное в заполнение его могильной ямы захоронение относилось к разряду трупосожжений (табл. 1, 2). В единичных случаях основное и впущенное в его заполнение погребения были однообрядовыми: или ингумационными, или кремационными. Однородность погребального инвентаря основных и впущенных в них захоронений однозначно свидетельствует о культурном единстве, оставившего их населения и принадлежности его к салтовской археологической культуре.

На это, как на отличительную черту погребального обряда могильника Красная Горка, обратил внимание еще В. К. Михеев. Он указал, что „повторное захоронение не вело к разрушению стенок могильных ям потому, что точно знали, где находится могила ранее погребенного, а это возможно лишь при наличии надмогильного знака“².

Вопросу применения обрядов трупоположения и трупосожжения по отношению к своим умершим населением, оставившим могильник Красная Горка, и посвящена данная работа. Находящиеся в одной могильной яме разнообрядовые погребения (основное и дополнительные) могли быть как одновременными, так и совершенными спустя некоторое, непродолжительное время.

* Выражаю свою благодарность проф. В. К. Михееву за возможность ознакомиться с материалами раскопок и разрешение на их публикацию.

Основные захоронения могильника Красная Горка

№ п/п	Имя и фамилия		Дата рождения и смерти			Возраст на момент захоронения	Адрес захоронения					Имя и фамилия захороненного	Имя и фамилия захороненного			
	Фамилия	Имя	Год рождения	Год смерти	Год захоронения		Участок	Группа	Место захоронения	Группа захоронения	Имя		Фамилия			
36	+		1,4	0,45-0,4	1,35	244°	+	+				+	37		+	
													38		+	
50	+		1,75	0,65-0,5	1,55	250°					+	+	39		+	
74	+		1,9	0,52-0,4	1,5	242°						+	+	58		+
75/ к-4	+		2,3	1,1	1,7	241°						+	+	59		+
														64	+	
														71		+
93/ к-6	+		3,75	0,85-0,75	1,65	227°						+	6/н		+	
109		+	1,65	0,55-0,5	1,25	267°	+					+	106		+	
													108		+	
113	+		1,85	0,43-0,38	1,2	250°						+	+	111		+
150/ к-13	+		2,5	1,3	1,5	246°						+	+	142	+	
177	+		2,2	0,6	1,5	250°						+	+	177А		+
														162		+
182	+		1,4	0,6	1,15	0°	+					+	+	176		+
188	+		1,3	0,5-0,4	1,1	250°						+	+	183		+
197	+		1,5	0,6-0,5	1,15	270°						+	+	197А		+
204	+		1,3	0,5-0,3	1,5	243°						+		6/н		+
209/ к-9	+		3,35	0,4-0,75	1,5	194°						+	+	186		
243	+		1,8	0,6	1,35	248°						+	+	6/н		+
														237		+
247	+		2,2	0,65	1,5	248°						+	+	242		+
289/ к-28	+		2,5	1,3-1,0	1,4	242°						+	+	281		+
к-1	+		1,7	0,6	1,2	209°	+					+	+	26		+

Впускные захоронения могильника Красная Горка

Í ñí íáí í e í í äð.	Áí òñéí í á í í äðáááí éá			Ðaçí äðü			Qëí èðáí äöèè		Í ñòáöèè éí ñòðá	Ëäèüðéí . éí ñòè		Ëí ááí çàðü	Í ðéáí - òèðí äéá	Áí óððéí í äè èüü äý éí í ñòòéöèý	
	í	éí äóí ä- ðèý	èðáí ä- ðèý	äéáí äðð	äèèí ä/ ø èðèí á	äèöéí á	ýí í í á	ðóí í áí á		ðáññáýí í	éí í í äèòí í			ýí á	äóí á
	36	37		+	0,15		0,3	+		+		+			
38			+	0,15		0,3	+		+		+				
50	39					0,25			+		+	+			
74	58		+			0,35		+			+	+			
75/ к-4	59		+	0,7		0,2	+		+			+			
	64	череп				0,85						+			
	71		+		0,45/0,3	0,4	+				+		B-3		
93/ к-6	б/н		+	0,15		1,65	+				+				
109	106		+			0,5		+			+	+			
	108		+			0,9		+			+	+			
113	111		+			0,85		+			+				
150/к-13	142	+			1,0/0,35	1,4							273°		+
177	177A		+			1,0 - 1,5	+		+	+					
	162		+		0,6/0,5	0,55	+		+		+	+	ЮВ - СЗ		
181	176		+			1,25		+	+		+	+			
188	183		+			0,4		+	+		+	+			
197	197A		+			0,6 - 1,0	+		+	+					
204	б/н		+			1,0 - 1,5	+		+	+					
209/ к-9	186	+			1,6/0,5	0,5							240°	+	
243	б/н		+			1,0/1,25			+	+					
	237		+			0,4		+			+				
247	242		+			0,6		+			+	+			
289/ к-28	281		+			0,55	+				+	+			
к-1	26		+	0,15		0,08	+				+				

Так, одновременными следует считать случаи разнообрядовых захоронений в погребениях № 93/к-6, 182(176)**, 197(197А), 204. В парном ингумационном захоронении № 93/к-3 была зафиксирована кучка пережженных человеческих костей диаметром 0,15 м внутри деревянного гроба-ящика. Ингумационное погребение было представлено двумя человеческими костяками (мужчины и ребенка), анатомический порядок которых, был преднамеренно нарушен (рис. 1). Остатки кремации располагались в ножном конце гроба, в 0,1 м от отброшенного сюда черепа ребенка. В юго-восточном конце могильной ямы располагался костяк коня, череп которого находился над западным углом гроба-ящика. Среди разбросанных человеческих костей были обнаружены: салтовский столовый кувшин, детали поясного набора, сбруйные пряжки, сбруйное кольцо, железный гвоздь, обломки удила, два наконечника стрелы. В юго-восточном углу гроба были остатки мясной жертвенной пищи в виде костей овцы. На одновременность помещения в гроб тел умерших людей и останков кремированного человека указывает место расположения последних – на днище гроба, почти под черепом коня, костяк которого не пострадал при повторном проникновении в могилу.

Подобная ситуация была отмечена в погребении № 182 (рис. 2: 1). В северном краю, на дне могильной ямы были обнаружены человеческие зубы и немногочисленный инвентарь: туалетный набор (ложечка, ножичек, пилочка), четыре бубенчика, две стеклянные бусины, два фрагмента бронзовой проволоки. В южном конце могильной ямы стояла урна – погребение № 176 – двуручный салтовский столовый горшок, полностью заполненный пережженными человеческими костями, не очищенными от остатков погребального костра. Урна была углублена на 5 см в дно могильной ямы погребения № 182. Погребальный инвентарь кремационного захоронения был значительно богаче: конгломерат спекшихся стеклянных бусин, 15 раковин каури, три золотые бляшки, фрагменты двух золотых сережек, украшенных зернью. Рядом с урной находились остатки деревянного ларца в виде железной витой ручки, оковки и защелки от замка³.

Одновременными являются, по нашему мнению, и погребения, в которых пережженные человеческие кости были обнаружены не только рядом с телами людей погребенных по обряду трупоположения, но и находились в заполнении самих могильных ям.

К таким случаям относится погребение № 204. Захоронение было произведено в могильной яме трапециевидной формы, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Стенки могильной ямы в нижней ее части были обшиты деревянными плахами высотой 0,2 м, образующими гроб-раму размером, соответствующим размеру могильной ямы. Сверху гроб-ящик был перекрыт крышкой из досок. В юго-западной части гроба были обнаружены зубы человека, тогда как остальные кости скелета отсутствовали. По центру гроба лежал немногочисленный погребальный инвентарь, представленный двумя бронзовыми бубенчиками, спиралевидными пронизьями, фрагментом железного черешкового ножа. С северо-восточной стороны на крышке гроба стоял кувшинчик крымского производства. Вокруг зубов человека, на крышке гроба-рамы и в заполнении самой могильной ямы были встречены отдельные мелкие кальцинированные человеческие кости. Данное захоронение исследователь могильника был склонен рассматривать не как трупоположение, а трупосожжение с разбросанными пережженными костями⁴. Нам же представляется, что в данном случае следует говорить о захоронениях двух людей, погребенных в одной могильной яме, но с использованием разных погребальных обрядов.

** Первая цифра указывает номер основного захоронения, вторая – номер впущенного в него погребения.

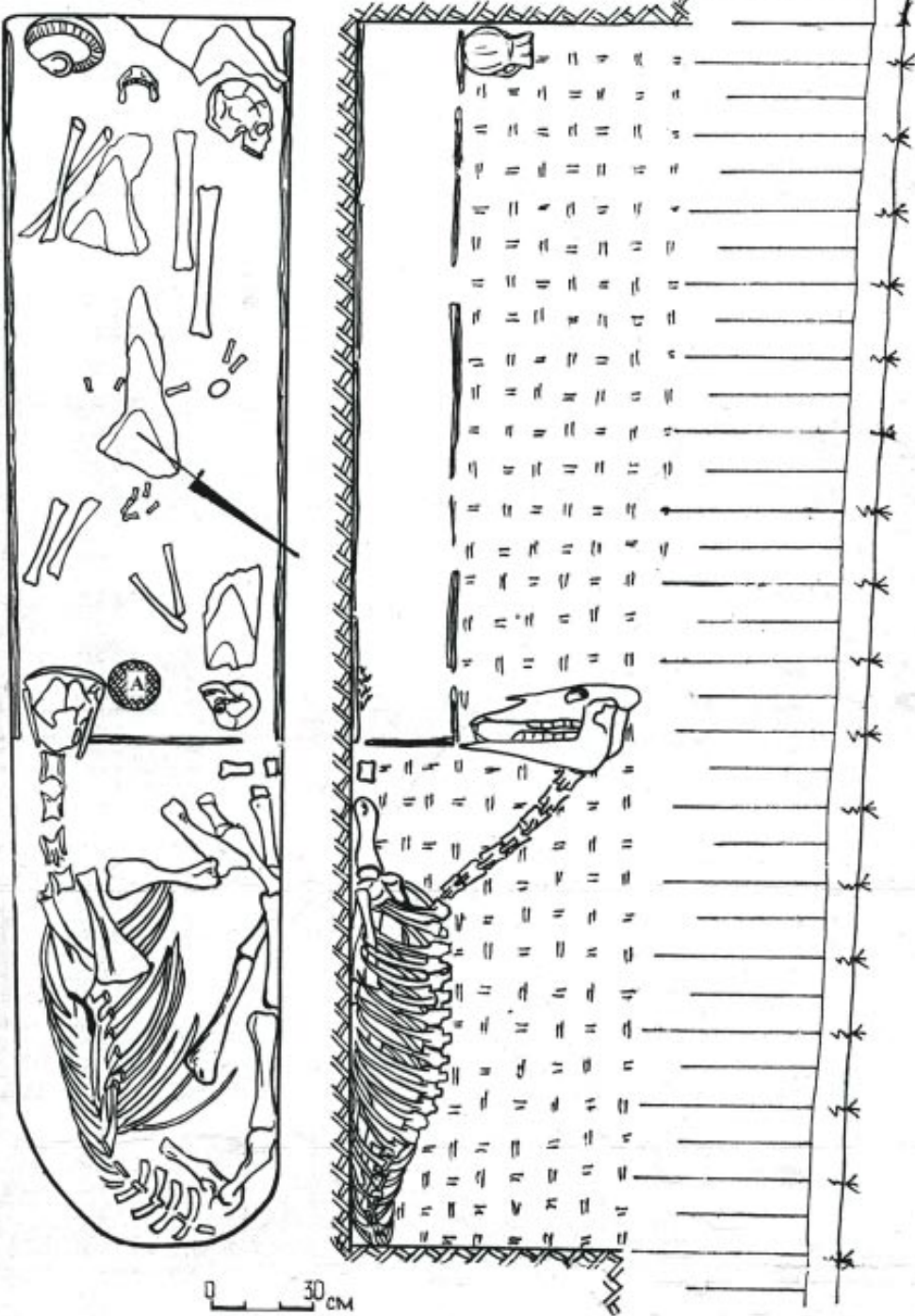
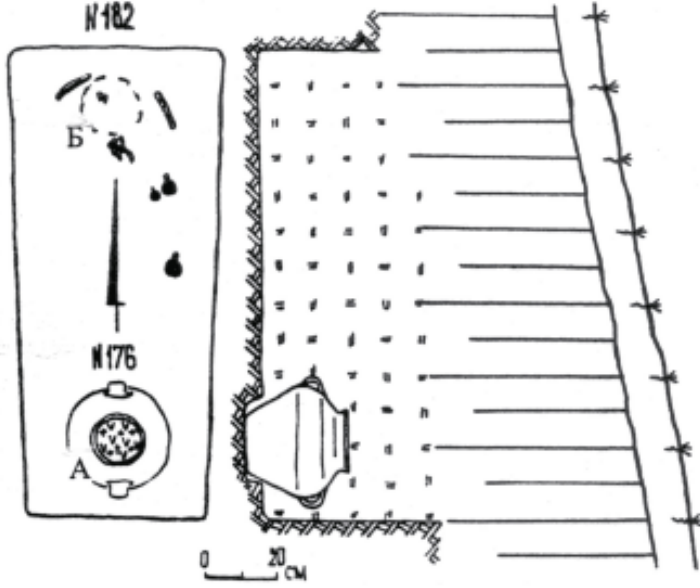
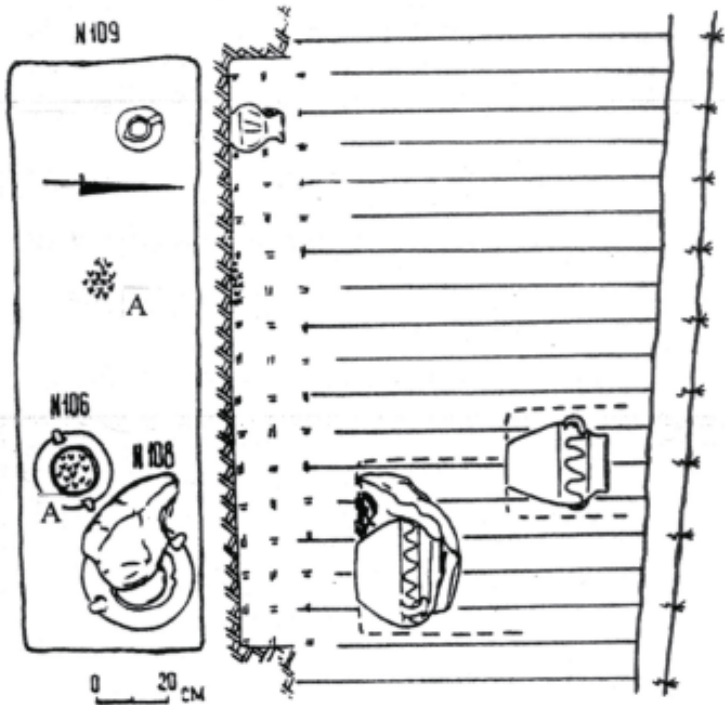

Рис. 1. Погребение № 93/к-6. А – кремированные человеческие останки

1

2

Рис. 2. Погребения могильника Красная Горка. 1 – погребение № 182; 2 – погребение № 109. А – пережженные человеческие останки, Б – костный тлен

В заполнении могильной ямы еще одного погребения № 197 были зафиксированы многочисленные кальцинированные человеческие кости и мелкие древесные угольки, что позволяет говорить о присутствии здесь трупосожжения с рассеянными косточками (*погребение № 197А*)⁵. В могильной яме основного погребения находились остатки деревянного гроба, внутри которого сохранился только костный тлен. В западной части гроба был сосредоточен немногочисленный погребальный инвентарь, представленный бронзовым кистнем, бронзовым перстнем со вставкой из стекла, фрагментом золотой сережки и бронзовым бубенчиком. Отсутствие следов повторного вскрытия могильной ямы позволяет предположить одновременность ингумационного и кремационного захоронений. Кремированные останки умершего человека, по-видимому, были помещены в могильную яму ингумационного захоронения в процессе ее засыпания грунтом.

Значительно чаще на могильнике Красная Горка представлены случаи, когда основное и дополнительное погребения все же разнесены во времени, т.е. совершены в одной могильной яме, но между ними прошло какое-то время. Кремационные захоронения в данном случае помещались не на дно ингумационных захоронений, а в заполнение могильных ям.

Переходное положение между такими захоронениями и погребениями, рассмотренными выше, занимают *погребения № 243(237), 177(177А, 162)*.

Так, в головном конце гроба-рамы с крышкой *погребения № 243* было расчищено скопление человеческих зубов, тогда как остальные кости скелета отсутствовали. В гробу были обнаружены лежавшие компактной кучкой железный черешковый нож, бронзовые бубенчики, спиралевидные пронизи, поясной разделитель на три ремешка, литая бронзовая пуговица. В заполнении могильной ямы были обнаружены разбросанные пережеженные человеческие кости⁶. В данном случае мы видим повторение обряда, зафиксированном в *погребении № 197(197А)*. Однако, в заполнении могильной ямы данного погребения было обнаружено еще одно дополнительное захоронение – № 237. Оно содержало двуручный столовый салтовский горшок, в котором находились пережеженные и очищенные от следов погребального костра человеческие кости. Урна была установленной в заполнении могильной ямы № 243 на глубине 0,4 м от уровня современной поверхности. Сверху урна была накрыта фрагментами другого салтовского двуручного столового горшка. Данное захоронение было безынвентарным.

В заполнении *погребения № 177*, помимо одновременного ему кремационного захоронения с рассеянными косточками (*захоронение № 177А*)⁷, было обнаружено дополнительное *погребение № 162*, совершенное спустя какое-то время. Остатки кремации не очищенных от следов погребального костра занимали ямку овальной формы размером 0,5 × 0,6 м и глубиной 0,55 м, ориентированную длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Поверх пережеженных костей располагались: развал железного котла с ручкой, пара стремян, удила, преднамеренно согнутая в древности сабля, две портупейные железные скобы, наконечник копья, три трехлопастных наконечника стрел, две железные колчанные скобы, колчаный крючок, железное кресало, два черешковых ножа, две железные пряжки, два железных гвоздика, железный стержень со шляпкой, железная пластина со штифтом, два фрагмента керамики⁸.

Случаи, когда основное и дополнительное захоронения разделены во времени не единичны (табл. 1, 2), что позволяет рассматривать это как достаточно специфический элемент погребального обряда.

Так, погребальная урна захоронения № 111, содержавшая плохо пережженные человеческие кости, была установлена на глубине 0,85 м в заполнении могильной ямы захоронения № 113. Урной служил двуручный столовый салтовский горшок. Погребальный инвентарь среди пережженных человеческих останков отсутствовал. Захоронения № 113 содержало останки женщины, помещенные в могильную яму прямоугольной формы. Умершая была уложена в вытянутом положении на спине с прямыми ногами, скрещенными в голеностопе, и руками, скрещенными на тазовых костях. Глубина могильной ямы 1,2 м. Справа от черепа погребенной женщины стоял глиняный лепной горшок, а у голеностопного сустава правой ноги – кружка с петельчатой ручкой. По обе стороны от черепа погребенной были обнаружены золотые серьги, украшенные зернью. В области грудной клетки находилась россыпь стеклянных и сердоликовых бус, бисер. На левой безымянной тазовой кости лежало бронзовое зеркало салтовского типа с центральной петелькой на обороте, а на правой безымянной тазовой кости – два литых бронзовых бубенчика, бронзовые спиралевидные пронизи, бронзовая туалетная коробочка во фрагментах, бронзовая подвеска и фрагмент стенки стеклянного сосуда. Возле черепа погребенной был найден костяной предмет в виде шила⁹.

Подобная ситуация была прослежена еще в семи захоронениях могильника. В засыпку могильных ям ингумационных погребений № 50, 74, 188, 247, 289/к-28 было впущено по одному захоронению по обряду трупосожжения – № 39, 58, 183, 242, 281 соответственно¹⁰. При этом дополнительные кремационные захоронения были как ямные (№ 39, 281), так и урновые (№ 58, 183, 242).

В заполнении погребения № 36 на глубине 0,3 м было обнаружено два дополнительных трупосожжения № 37, 38, помещенные в круглые в плане ямки диаметром 0,15 м¹¹. Оба захоронения содержали пережженные человеческие кости, неочищенные от следов погребального костра. Одно из них было безынвентарным (№ 38), во втором – № 37 – среди остатков кремации находились черешковый нож, железная пряжка, железная прямоугольная пластина.

Два ямных трупосожжения № 59, 71 и захоронение черепа № 64 были впущены в заполнение погребения человека с конем № 75/к-4.¹² При этом оба трупосожжения находились в заполнении могильной ямы над погребением коня № 4, тогда как захоронение череп (№ 64) располагалось в засыпке могильной ямы, над погребение человека. Человеческий череп, обращенный лицевыми костями вверх, был найден на глубине 0,85 м. Слева от черепа лежала бронзовая литая сережка, а несколько к северу от него были сложены кучкой кости овцы. Кремированные останки человека неочищенные от следов погребального костра (погребение № 59) были помещены в могильную яму диаметром 0,7 м и глубиной 0,2 м. Среди остатков кремации, лежали: топорик-чекан, черешковый нож, бронзовая штампованная пуговица, бронзовые оплавленные пронизи, стеклянные бусы, бронзовый провололочный браслет, бронзовый перстень с овальным щитком, железное калачевидное кресало, фрагмент ручки столового салтовского сосуда. Очищенные от следов погребального костра пережженные кости погребения № 71 были ссыпаны в прямоугольную ямку размером 0,45 × 0,3 – 0,35 м и глубиной 0,4 м, ориентированной длинной осью по линии восток – запад. Обожженные кости черепа были сосредоточены в западной части ямы. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Основное и дополнительные захоронения, в некоторых случаях, были однообрядовыми.

Так, основное захоронение № 109 относилось к разряду ямных трупосожжений (рис. 2: 2). На дне прямоугольной могильной ямы, ориентированной длинной осью по линии восток – запад, лежала небольшая кучка пережженных человеческих костей. Среди них находились бронзовые бубенчики, стеклянные бусы, спиралевидные пронизи, подвеска-амулет из кости животного, бронзовая литая сережка. У западной стенки могильной ямы стояла салтовская кружечка. В засыпке погребения № 109, в восточном краю могильной ямы, обнаружены урновые захоронения № 106 и 108.¹³ В погребении № 106 (глубина 0,5 м) урной служил салтовский двуручный столовый горшок, на дне которого располагались компактной массой пережженные человеческие кости очищенных от следов погребального костра. Среди остатков кремации находился немногочисленный инвентарь: фрагмент подвески от сережки, бронзовый провололочный браслет. Урна погребения № 108 – салтовский двуручный столовый горшок, располагалась рядом с урной погребения № 106, но ниже его, на глубине 0,9 м. Сверху урна была накрыта перевернутой вверх дном глиняной миской на невысоком поддоне. Рядом с урной лежал железный преднамеренно смятый в древности котел, на котором кучкой были сложены пара стремян, удила, топорик-чекан, наконечник копья, железная сбруйная пряжка, два черешковых ножа, металлические оковки колчана, несколько трехлопастных наконечников стрел. Все эти вещи, вместе с урной, были накрыты круглым бронзовым дном от котла, также преднамеренно деформированным в древности.

В двух случаях основное и дополнительное погребения были совершены по обряду трупоположения. В заполнении погребения № 150/к-13 было обнаружено захоронение № 142, произведенное в двухчастном гробу-колоде длиной 0,9 м, шириной 0,23 м и высотой 0,22 м. В гробу были обнаружены только человеческие зубы и костный тлен. Инвентарь отсутствовал. Основное погребение принадлежало воину-всаднику, погребенному с боевым конем и полным набором вооружения¹⁴.

Безынвентарное трупоположение № 186 было обнаружено в заполнении погребения № 209/к-9, над костяком коня¹⁵. На глубине 0,5 м найден человеческий костяк длиной 1,6 м, лежавший вытянуто на спине головой на запад с сезонным отклонением (азимут 240°). Череп был несколько приподнят, левое плечо покоилось несколько выше правого, хотя и правое плечо было приподнято. Руки слегка согнуты в локтях так, что кисть правой руки покоилась на костях таза, а кисть левой руки – рядом с левой безымянной тазовой костью. Ноги скрещены в голених (правая поверх левой). При этом ноги были приподняты так, что их стопы находились на одном уровне с верхушкой черепа. Из чего следует, что покойник был уложен в могильную яму с дном, имеющим корытообразную форму.

В единичном случае дополнительное погребение было помещено в заполнение могильной ямы отдельного конского захоронения, являющегося, по-видимому, кенотафом. Так, над захоронением коня № 1 была обнаружена кремация № 26. Конь был помещен в небольшую подпрямоугольной формы могильную яму глубиной 1,2 м. Он был уложен на брюхо с подогнутыми под себя ногами. На ребрах коня был зафиксирован древесный тлен от седла. У шейных позвонков найдены два железных стремяни, слева от черепа – железные удила, а под ребрами – фрагменты железной пряжки¹⁶. В заполнении конского погребения, на глубине 5–8 см от современной поверхности, располагалась компактная кучка пережженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. В 0,35 м к западу от них, на той же глубине, лежали несколько обломков амфоры, среди которых находилась необоженная кость животного. По-видимому, большая часть данного погребения была снесена в ходе проведения земляных работ.

Таким образом, на могильнике Красная Горка в целом ряде случаев мы столкнулись с использованием одной могильной ямы для одновременного или разновременного захоронения 2–4-х покойников. Это, по нашему мнению, однозначно указывает на желание людей, оставивших данные захоронения хоронить своих покойников не просто на одном участке могильника, а как можно ближе к ранее умершим – в одной могиле. Поэтому, по-видимому, мы имеем дело с погребениями очень близких родственников, членов одной семьи (мужа с женой, матери с детьми, несовершеннолетних детей), притом малой, так как совместные захоронения нескольких взрослых мужчин не обнаружены. Факт наличия в пределах родового могильника таких захоронений однозначно указывает, что мы имеем дело с обособившейся малой семьей, так как по этнографическим данным могильные души, как и живые люди, живут родами, семьями и не склонны принимать в свою среду чужеродцев¹⁷. В таком случае могильник Красная Горка следует рассматривать как принадлежащий крупному роду или клану, включающему несколько больших семейных коллективов.

Количество погребений, открытых на данном некрополе, позволяет предположить, что складывался он в течение жизни нескольких поколений оставившего его населения, а это в свою очередь свидетельствует о существовании в непосредственной близости от некрополя долговременного поселения – зимника. Умершие, с точки зрения своих живых родственников, продолжали существовать, но только в ином пространстве-времени. При этом могилы ассоциировались с домами, а кладбища рассматривались как своеобразное поселение умерших, „уравновешивающие“ поселения живых¹⁸. Если для начального освоения территории новым населением характерны единичные, зачастую, разбросанные на значительном расстоянии друг от друга захоронения, то появление стационарных могильников свидетельствует уже о прочном обживании территории этим населением. Именно этот период освоения бассейна Северского Донца проболгарами и отражает могильник Красная Горка.

Таким образом население, оставившее могильник Красная Горка, уже перешло ко второй стадии кочевания, для которой характерно закрепление за отдельными родами, родовыми и племенными группами постоянной территории кочевания, наличие устоявшихся маршрутов перекочевки и зимников¹⁹. Свидетельствами кочевого быта, данного населения, является достаточно большое количество конских захоронений, присутствие в погребениях элементов конского снаряжения, котлов, вилок для доставания мяса из котла, складных серпов, мясной жертвенной пищи в виде костей крупного и мелкого рогатого скота. Переход на новую стадию кочевания данного населения, обусловил, вероятно, отказ от курганного обряда захоронения своих умерших родственников. Однако тенденция погребать людей как можно ближе к их ранее умершим родственникам продолжает существовать. Для кочевых народов характерны разновременные захоронения самых близких родственников в одной могиле, под одной курганной насыпью или, когда погребения близких родственников были впущены в одну курганную насыпь, возведенную над ранее умершим родственником²⁰. На могильнике Красная Горка эта тенденция еще сохраняется, о чем свидетельствуют рассмотренные выше захоронения, что нельзя сказать о других болгарских могильниках верхнего Подонцовья.

На полуоседлый характер населения, оставившего рассматриваемые захоронения, указывает ориентировка умерших людей головой на запад с сезонными отклонениями. Использование методики определения сезонного периода совершения данных захоронений²¹ показало, что ингумационные захоронения, в заполнение могильных ям в которые были впущены другие захо-

ронения, были произведены в основном в период с октября по март месяца (поздняя осень-зима – ранняя весна), т.е. в период обычного функционирования зимника²². Именно в период поздняя осень – ранняя весна исследователями отмечается наибольшая смертность для людских коллективов эпохи раннего средневековья. С уходом основной массы населения с зимника в начале весны по маршруту кочевания количество смертей естественно уменьшалось. На зимнике (в период с ранней весны по позднюю осень) оставались только те, кто не имели возможности кочевать – кочевники, лишившиеся в результате каких-то причин скота, больные и немощные, зависимое население и рабы, оставленные для занятия земледелием. По-видимому, именно с этим контингентом следует связывать безынвентарное захоронение подростка № 142 (июнь), впущенное в заполнение могильной ямы захоронения мужчины-воина с конем № 150/к-13 (февраль).

Второе безынвентарное ингумационное погребение № 186, впущенное в заполнение могильной ямы захоронения человека с конем № 209/к-9, несмотря на то, что оно было совершено в декабре, а совершение основного погребения припадает на раннюю осень или позднюю весну, следует рассматривать как захоронение представителя зависимого населения, возможно, раба. На это указывает незначительная глубина дополнительного погребения, его безынвентарность, помещение человеческих останков над костяком коня, использование для захоронения небрежно, судя по положению костей погребенного, выкопанной могильной ямы.

В других рассмотренных случаях мы, вероятно, имеем дело с захоронениями родственников, хотя в силу каких-то причин тела одних умерших членов семьи просто помещались в могильную яму, других – кремировались на стороне, с последующим помещением праха рядом с телом погребенного родственника (внутри гроба, на крышку гроба, в заполнение могильной ямы). В целом же, как отмечается многими исследователями, логика существования в рамках родового общества у разных народов двух или нескольких погребальных традиций не всегда понятна²³. Предметы вооружения, конское снаряжение, личные украшения, среди которых представлены изделия из драгоценных металлов, присутствуют в одинаковой мере и в основных, и в впущенных в них захоронениях. По-видимому, это можно рассматривать как свидетельства того, что имущественное и социальное положение умерших людей в данных случаях никак не влияло на выбор того обряда, по которому они были похоронены. Половозрастные различия умерших людей находят свое подтверждение в номенклатуре и количестве положенного в захоронения инвентаря.

Для решения этого вопроса относительно рассматриваемых захоронений могильника Красная Горка, по-видимому, следует обратиться к мировоззрению на человеческую природу у народов, исповедующих шаманизм, к которым, несомненно, относилось и праболгарское население, оставившее данный некрополь. Новые исследования показали, что шаманисты верили в две главные жизненные силы, присутствующие в человеке: *душу-тень*, идущую после смерти человека в мир мертвых, и *душу-птицу* – носительницу наследования жизни, поднимающуюся после смерти человека вверх, на небо, на вершину мифического родового дерева душ²⁴. В силу этого часть погребальных ритуалов, которая была связана с захоронением в земле (*ингумацией*), имела две главные цели: во-первых, помочь *душе-тени* быстро и благополучно достичь своего местообитания, т.е. страны мертвых; во-вторых, исключить возможность возвращения этой души в мир живых. Как следствие всего этого – зарывание покойника в землю, ориентировка его в сторону мира мертвых,

провождение его запасом пищи на дорогу и ездовым животным, принятие мер, призванных закрыть ему дороги в мир живых. Именно это мы и можем наблюдать в ингумационных захоронениях могильника Красная Горка. Погребальная обрядность, посвященная *душе-птице*, в тех же условиях должна была способствовать беспрепятственному вознесению этой светлой души в верхний мир. По этнографическим данным для достижения этой цели практиковались захоронения на высоте, втыкание в могилу деревца, ветки с птичьим гнездышком, прикрепление к коньку погребального домика изображения птички, сооружение курганной насыпи и пр.²⁵ К сожалению, данные действия на археологическом материале в целом ряде случаев проследить невозможно. Однако, наиболее действенным способом транспортировки светлой души являлось *сожжение трупа*. При кремации осуществлялось достаточно быстрое разобщение темной и светлой субстанции (души-тени и души-птицы). В этом случае светлая душа транспортировалась вместе с дымом погребально-го костра на небо, а обугленные останки покойного, олицетворяющие темную сущность человека (темную душу), зарывались в землю²⁶. Отражением данных погребальных действий являются рассматриваемые погребения по обряду трупосожжения. Остается ответить на вопрос, почему население, оставившее данный могильник, одних покойников хоронило по обряду трупоположения, а тела других умерших родственников сжигали.

С нашей точки зрения это, возможно, связано с полукочевым образом жизни населения, оставившего данный некрополь. Так, тела людей, умерших по время зимовки, хоронились по обряду трупоположения на кладбище, расположенном рядом с зимником. В ходе этих действий достигалось необходимое разобщение светлой и темной души и их транспортировка к месту их последующего обитания. Темная душа (душа-тень) отправлялась под землю, вслед за телом. Светлая душа (душа-птица), вероятно, в этом случае занимала место на воткнутом в могилу деревце или ветке. Следы присутствия рядом с могильной ямой деревянного столба были отмечены в *погребении № 199* могильника Красная Горка. На достаточную вероятность таких действий указывает тот факт, что у тюркоязычных народов дорога, ведущая в верхний мир, зимой „не использовалась“. Шаманы были убеждены, что в это время нижнее, видимое небо замерзает, туда невозможно было попасть. Поэтому они не камлали в зимнее время небесным божествам²⁷. Тела же людей, умерших в процессе выпаса скота в период с ранней весны по позднюю осень, вдали от зимника, с нашей точки зрения, подвергались сожжению. В результате этого светлая душа сразу же отправлялась на небо, а темная душа, ассоциируемая с пережженными останками, доставлялась на родовое кладбище, где и совершалось их подзахоронение в могилы ранее умерших близких родственников. Практика, когда умерших в процессе кочевания людей везли за многие сотни километров на родовой могильник, была зафиксирована у многих кочевых народов, а у туркмен сохранилась до середины XX века²⁸.

Возможно, кремирование тел людей, умерших вдали от поселения, объясняется еще и тем фактом, что у тюркоязычных народов человек, находящийся в пути (в процессе выпаса скота, в походе и пр.) рассматривался как существо вне обычного статуса, ибо он находился вдали от родного дома, т.е. в „ином мире“. Выходя за границу поселения человек как бы оказывался „мертвым“ для оставшихся на зимнике родственников. Этим и объяснялся его особый статус, приближенный к положению предков²⁹. И уже вследствие этого вряд ли он мог быть погребен, в случае смерти вдали от родного поселения, в соответствии с традиционным погребальным ритуалом, т.е. по обряду трупоположения.

Кроме того, если путь живого человека изначально предполагал обязательное возвращение, то путь неживого человека – это путь только в одну сторону (т.е. уход), и возвращение его к живым родственникам было крайне нежелательным³⁰. Все похоронные ритуалы всячески подчеркивали, что у живых и у мертвых людей разные пути, которые ни в коем случае не должны совпадать (вынос мертвого тела из жилища не через вход, возвращение с кладбища другой дорогой и пр.)³¹. Исходя из этого, возвращение тела умершего человека со следами видимого разложения вряд ли было допустимо без боязни, что это приведет к новым смертям среди живых родственников.

Таким образом, рассмотренные нами погребения – основные и дополнительные – составляют комплексы, состоящие из захоронений близких родственников. Люди, умершие в период зимовки (поздняя осень – ранняя весна), а также не принявшие участия в весенне-летнем выпасе скота, погребались по обряду трупоположения. Их родственники, умершие вдали от родового кладбища, сжигались. Кремированные останки людей совершали запланированный путь – по маршруту кочевания к зимнику, на родовой некрополь, где они и подзахоронивались в могилы своих ранее умерших родственников. И в том, и в другом случае душа-тень (темная субстанция) следовала за покойником в могилу (в мир мертвых), где и находилась до полного истлевания тела, а душа-птица (светлая субстанция) отправлялась на небо, где дожидалась своего воплощения в новом человеке. В итоге обе субстанции (светлая и темная души) достигали своего нового пристанища, но разными путями, что было вполне допустимо³². Главным было дать возможность покойнику уйти в иной мир своей дорогой и предотвратить возможность возвратиться назад к живым родственникам. Этим и объясняется то разнообразие в способах погребения умерших людей, зафиксированные на могильнике Красная Горка.

¹ Михеев В. К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990 – С. 45–52; Аксенов В. С., Крыганов А. В., Михеев В. К. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Материалы I тысячелетия н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. – Киев, 1996. – С. 116–129.

² Михеев В. К. Погребальный обряд Красногорского могильника ... – С. 51.

³ Аксенов В. С. К вопросу о семантике некоторых женских наборов украшений салтовского времени из бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. – Киев – Харьков, 2004. – Т. 3. – С. 205, рис. 1: 13–25.

⁴ Михеев В. К. Отчет о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского государственного университета за 1990 год. – Харьков, 1991. – С. 20.

⁵ Там же. – С. 17.

⁶ Михеев В. К. Отчет о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского государственного университета в 1991 году. – Харьков, 1992. – С. 13.

⁷ Михеев В. К. Отчет о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского государственного университета за 1990 год. – Харьков, 1991. – С. 9.

⁸ Там же. – С. 2–3.

⁹ Михеев В. К. Отчет об археологических исследованиях Средневековой экспедиции Харьковского государственного университета за 1988 год. – Харьков, 1989. – С. 2–3.

¹⁰ Михеев В. К. Отчет о раскопках Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры в 1986 году. – Харьков, 1987. – С. 4, 9–10, 21, 23; Михеев В. К. Отчет о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского государственного университета за 1990 год. – Харьков, 1991. – С. 10–13; Михеев В. К. Отчет о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского государственного университета в 1991 году. – Харьков, 1992. – С. 13, 16.

- ¹¹ Михеев В. К. Отчет о раскопках Красной Горки в селово-маяцкой культуре в 1986 году. – Харьков, 1987. – С. 19 – 20.
- ¹² Там же. – С. 21–23.
- ¹³ Михеев В. К. Отчет об археологических исследованиях Средневековой экспедиции Харьковского госуниверситета за 1987 год. – Харьков, 1988. – С. 14.
- ¹⁴ Аксенов В. С., Крыганов А. В., Михеев В. К. Обряд погребения с конем ... – Рис. 3: 1, с. 128.
- ¹⁵ Михеев В. К. Отчет о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета за 1990 год. – Харьков, 1991. – С. 12; Аксенов В. С., Крыганов А. В., Михеев В. К. Обряд погребения с конем ... – Рис. 2: 2, с. 128.
- ¹⁶ Аксенов В. С., Крыганов А. В., Михеев В. К. Обряд погребения с конем ... – Рис. 1: 8, с. 128.
- ¹⁷ Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания. – М., 2003. – С. 95.
- ¹⁸ Там же. – Основы ... – С. 94; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. / Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М. и др. – Новосибирск, 1988. – С. 73.
- ¹⁹ Хазанов А. М. Социальная история скифов. – М., 1975. – С. 11; Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М., 1982. – С. 36–42.
- ²⁰ Хазанов А. М. Социальная история ... – С. 58–59.
- ²¹ Генинг В. В., Генинг В. Ф. Метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. – Киев, 1985. – С. 136 – 152.
- ²² Лысенко Н. В. К вопросу об ориентировке погребений могильника Красная Горка (VIII–X вв.) // Сборник докладов 44-й студенческой научной конференции исторического факультета ХГУ. – Харьков, 1992. – С. 26–30.
- ²³ Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания. – С. 160.
- ²⁴ Там же. – С. 114.
- ²⁵ Там же. – С. 116.
- ²⁶ Там же. – С. 159.
- ²⁷ Традиционное мировоззрение ... – С. 80–81.
- ²⁸ Хазанов А. М. Социальная история ... – С. 60.
- ²⁹ Традиционное мировоззрение ... – С. 76, 77.
- ³⁰ Там же. – С. 72.
- ³¹ Косарев М. Ф. Основы ... – С. 98.
- ³² Грачева Г. Н. Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л., 1976. – С. 59.